

Глава 24

Худе устроила их в комнате для новобрачных и напоследок наказала: — Сидите здесь и не высовывайтесь. Уйдете, когда стемнеет, а я уж позабочусь о том, чтобы напоить этих остолопов до бесчувствия. И вы, господин Тайфу, платье пока не снимайте. Сдается мне, эти мужланы еще припрутся «беспокоить новобрачных», от них добра не жди.

Яньчи молча кивнул. Девушка вдруг замерла, о чем-то сосредоточенно размышляя: — По совести говоря, раз уж три поклона отвешены, обряд свершился. Будете пить свадебное вино из чаши единства?

Оба выпалили в один голос: — Нет!

Худе, хихикнув, вышла и плотно притворила за собой дверь.

Едва она скрылась, Цзи Хуайчжэнь поспешно сорвал с головы покрывало. Яньчи сидел рядом с ним, и вид у него был такой, словно он только что похоронил всю родню.

Раньше из-за плотного шелка мужчина ничего не видел, но теперь смог рассмотреть юношу как следует.

Алое одеяние придавало и без того красивому лицу Тоба Яньчи почти вызывающую яркость. Стоило Хуайчжэню взглянуть на него, как гнев невольно поутих — на такую красоту злиться было трудно.

Цзи Хуайчжэнь принялся размышлять.

«Характер у этого мальчишки — кремень, а уж если втемяшит себе что в голову, так и вовсе становится непробиваемым дурнем. Упрямый до невозможности, даже перед тем как лечь в постель, затевал споры о морали, а теперь, когда они по нелепой случайности поженились, он, верно, и вовсе сгорает от досады и раскаяния»

Яньчи и впрямь выглядел недовольным: брови его были сурово сдвинуты. Заметив на себе взгляд, он тут же поднялся и отошел к столу.

Хуайчжэнь холодно хмыкнул, отбрасывая притворство: — И кто это у нас, интересно, раньше умолял меня о свадьбе? Теперь, когда тебе выпала такая удача, ты еще и рожи строишь. Раз уж вошел в мою семью, я не требую от тебя строгого соблюдения женских добродетелей, но впредь изволь не распускать хвост перед всякими девками и даже не думай наставлять мне рога. Ты меня понял?

Яньчи вспыхнул от негодования: — Это лишь вынужденная мера! Наша свадьба — не настоящая!

— Это еще почему? Небу и Земле кланялись? Кланялись. Перед родителями на колени падали? Падали. Друг другу лбы расшибли? Еще как! С чего это она не настоящая? Как по мне — всё чин по чину. Уж не лукавишь ли ты, Сяо Янь? Небось сам в душе радуешься, что так ловко меня окрутил, — Хуайчжэнь без зазрения совести переложил вину на другого, да так складно, что собеседник лишился дара речи.

Заметив, что юноша совсем помрачнел, мужчина понял: тот всё еще не остыл после истории с Лже-Саньси.

Это был уже не просто гнев — в глазах Яньчи читалось глубокое разочарование, граничащее с безразличием. На сей раз он был в ярости не на шутку, и Хуайчжэнь это прекрасно сознавал.

Он подошел и встал за спиной Яньчи. Мгновенно сменив гнев на милость, мужчина обвил его руками и, не обращая внимания на попытки вырваться, прошептал в самое ухо: — Ты и впрямь думаешь, что я убил его только из-за своей ноги или тех пощечин? По его вине погибли десятки моих людей. Стоило нам завтра покинуть Фэньчжоу, и я бы никогда больше не смог до него добраться. Я решился на это, только когда был уверен в успехе. Я бы ни за что не стал подвергать опасности семью Сингэжилэ, не будь у меня надежного плана.

Он на миг запнулся и продолжил жалким, просящим тоном: — Ты всегда говорил, что защитишь меня... а теперь я тебя так огорчил. Я и не знаю теперь, в силе ли еще твои слова. Если да, то обещаю: впредь я буду во всём с тобой советоваться. Если тебе что-то не по нраву — я этого делать не стану.

Хуайчжэнь намеренно упомянул «впредь», внимательно следя за реакцией Яньчи. Раньше бы эти слова привели того в восторг, но после всего пережитого юноша лишь посмотрел на него со смесью боли и недоумения, словно пытаясь разглядеть, осталась ли в речах этого человека хоть крупица искренности.

Яньчи ему больше не верил.

— Ты лжешь, — внезапно произнес он.

Юноша не сводил глаз с венчальных свечей с узором дракона и феникса.

«Все твои люди мертвы, за исключением девицы Бай. О каком плане ты толкуешь? Ты просто знал, что я не останусь в стороне. Ты был уверен, что я выведу тебя из любого окружения, и потому тебе было плевать на жизнь Худе и её родителей. Тебе было всё равно, узнает кто-то или нет. Тебе просто хотелось, чтобы он сдох»

Услышав, как Яньчи безжалостно разоблачил его уловку, Хуайчжэнь перестал улыбаться. Лицо его сделалось непроницаемым. Оказалось, этот парень не так глуп, как он привык думать.

Стал бы Цзи Хуайчжэнь действовать столь опрометчиво ради каких-то там слуг или полученных побоев? Нет, дело было в Цзи Ванься.

Саньси был его доверенным человеком, которого он тайно приставил приглядывать за сестрой. Стоило им покинуть город, и он никогда бы не узнал, кто именно скрывался под личиной слуги. Разве мог он отпустить врага?

Ему во что бы то ни стало нужно было выяснить его личность сегодня, чтобы через него выкорчевать всех соглядатаев, которых Лу Шии подослал к императрице. Иначе как бы он мог гарантировать безопасность сестры и племянника? А кто там при этом погибнет и кого это коснется — какая ему разница.

Яньчи с силой разжал пальцы Хуайчжэня, обвивавшие его талию, и вырвался из объятий. Он хотел что-то сказать, но в этот момент со двора донесся пьяный хохот — гости всё-таки приперлись «беспокоить молодых».

Яньчи потянулся было за покрывалом, но Хуайчжэнь резко остановил его: — Ты что, дурак? Они пришли на невесту смотреть! Разве они уйдут, не заглянув ей под подол?

Он потянул Яньчи на кровать и повалил рядом с собой.

— Ложись на меня. Скидывай рубаху.

Шум за дверью становился всё громче. Яньчи мгновенно разгадал замысел, но едва он успел сбросить свадебное одеяние на пол, как Хуайчжэнь сам принялся стягивать с него нижнюю одежду. Мгновение — и он уже укутал их обоих одеялом, оставив снаружи лишь обнаженное крепкое плечо юноши.

Яньчи в ярости уставился на него.

Хуайчжэнь состроил самую невинную мину: — О чем ты только думаешь? Стоит им увидеть тебя в такой позе верхом на мне, и любой поймет, чем мы тут заняты. В крайнем случае посмеются, какой жених нетерпеливый попался, но ни у одного наглеца не хватит духу лезть проверять, как выглядит невеста.

Он нарочно дразнил Яньчи, зная, что тому некуда деться, и, притянув его к себе, прошептал: — Подыграй мне... Не выдай нас.

В ту же секунду дверь распахнулась под напором пьяных воинов, требовавших зрелищ. Яньчи резко опустил голову, прячась в изгибе шеи Хуайчжэня и надежно скрывая его лицо от чужих глаз.

Шум мгновенно стих. Худе, стоявшая спиной к ложу, пыталась преградить путь солдатам: —

Полегче, полегче! Не напугайте невесту! Вы что...

На полпути она замолкла, заметив ошеломленные лица солдат; некоторые из них даже густо покраснели. Оглянувшись на кровать, девушка едва не разразилась бранью. Смерив своего «принца Сяо Яня» взглядом, в котором читалось «и это ты-то еще ломался?», она лишь бессловесно покачала головой.

— Видать, мы ошиблись, — пробормотал кто-то. — Гляньте, как жених-то припустил, даже темноты не дождался. Похоже, невеста ему и впрямь по душе.

— И то верно... — заикаясь, поддакнул другой.

Хуайчжэнь, слышавший всё это, тихо хмыкнул. Лицо Яньчи, прижатое к его лицу, мгновенно вспыхнуло от этого издевательского смешка. Ему же всё было нипочем. Даже в такой миг он не удержался от каверзы: закинув руки за шею юноши, он слегка повернул голову и запечатлел поцелуй на его горящей щеке.

Ему этого показалось мало, захотелось чего-то большего. Он крепче прижал к себе Яньчи и, изображая девичью стыдливость, уткнулся ему в грудь, коснувшись губами его ключицы.

Зрители окончательно лишились дара речи. Никто не ожидал, что невеста окажется столь... раскованной. Худе и сама малость опешила — ей еще не доводилось видеть, как милуются двое мужчин, и она с любопытством вытягивала шею.

Молодые солдаты стояли багровые: им впервые довелось наблюдать столь живую картину. Могучее, крепкое плечо жениха, на котором покоилась белая, нежная рука невесты — этот контраст рождал в их головах самые смелые фантазии.

Подоспевший на шум Лян Чунгуан, уже успевший пропустить пару чарок, заглянул в комнату и, вспыхнув, гневно рявкнул: — Что за беспредел! Живо по местам! Каждому по три удара палками!

Толпа, улюлюкая, бросилась врассыпную. Худе, бормоча под нос «матушки мои, ну и ну, дожили», поспешно закрыла за ними дверь, то и дело оглядываясь.

Яньчи, не в силах больше терпеть, хотел было подняться, но Хуайчжэнь резко дернул его на себя. Юноша, не ожидавший такого, неловко рухнул обратно.

С самым серьезным видом Хуайчжэнь принялся нести околесицу: — Не двигайся. В иных краях есть обычай «беспокоить» дважды. Стоит жениху расслабиться, как они возвращаются и донимают еще пуще. Если ты сейчас встанешь и они войдут — пиши пропало.

Яньчи в замешательстве смотрел на него, подозревая подвох. Не зная, как поступить, он

остался лежать, лишь слегка приподнявшись на локтях. Он не смел смотреть в глаза, не смел касаться Хуайчжэня руками и даже пальцами ног изо всех сил упирался в доски кровати — он не хотел и не мог позволить себе навалиться на мужчину всем телом.

— Расскажи-ка мне, о чем ты думал, когда мы кланялись? — Хуайчжэнь смотрел на него с ехидной усмешкой.

— Ни о чем я не думал.

По этому сухому тону Хуайчжэнь понял, что обида никуда не делась. Немного подумав, он крепко обхватил Яньчи за шею и прошептал: — Кто-то мне совсем недавно твердил: «сначала свадьба, а потом дело». Ты, может, и не думал ни о чем, а я только о тебе и помышлял.

Он нарочито вздохнул и прильнул к Яньчи теснее. Ловким движением руки он сорвал венец, скреплявший волосы юноши. Черные пряди мгновенно рассыпались по плечам. Запустив пятерню в его волосы и притянув за затылок к себе, Хуайчжэнь под ошеломленным взглядом впился в его губы поцелуем.

Они и раньше целовались, но чтобы Хуайчжэнь сам проявил инициативу — такое было впервые.

Прежде Яньчи шел на любые ухищрения: то ловил момент в пылу страсти на ложе, то пускал в ход всё свое обаяние. Но даже когда их губы встречались, сердце Хуайчжэня оставалось холодным — он никогда не скрывал своего отвращения к подобным нежностям. И вот теперь, когда Яньчи отчаялся, когда разглядел его истинное лицо и решил забрать назад свое поднесенное на ладони сердце, этот человек сам кинулся к нему, даруя то, о чем Яньчи так страстно мечтал.

Он всегда был таким: сначала ударит, а потом поманит сладостью.

На душе у юноши было горько. Почувствовав, что тот медлит, Хуайчжэнь ласково прошептал: — Открой рот.

Приоткрыв глаза, он увидел в глазах Яньчи обиду и гнев — тот явно опять уперся. Но у Хуайчжэня были свои способы его усмирить.

Он высвободил одну руку и скользнул ею вниз, принявшись ласкать через ткань штанов полунапряженный член Яньчи. Тот вздрогнул и невольно приоткрыл рот, чтобы возразить — Хуайчжэню только того и было нужно.

Он умело и привычно целовал юношу, пока у того не закружилась голова, а чувства не помутились. Мужчина тихо рассмеялся и, вновь прильнув к его губам, нежно позвал: — Назови меня снова А Мяо.

Яньчи чувствовал, как кровь приливает к лицу. Рассудок почти оставил его, и лишь последняя ниточка связывала его с реальностью — он едва сдерживался, чтобы не ответить на поцелуй. Хуайчжэнь еще раз коснулся его губ, отстранился и одарил юношу взглядом, полным притворной нежности, а затем вновь поцеловал его — на сей раз еще более томительно и глубоко.

Если он решал кого-то обольстить, спасения не было.

«А ведь я ошибался, — подумал Хуайчжэнь, — поцелуи вовсе не так плохи, как мне казалось»

Он уже решил ковать железо, пока горячо, и завершить эту брачную ночь в объятиях Яньчи, но стоило его руке потянуться к завязкам штанов, как его запястье перехватила железная хватка. Хуайчжэнь в изумлении открыл глаза и увидел, как на лбу юноши вздулись жилы, а глаза покраснели от едва сдерживаемого вождления. Яньчи с силой прижал его к постели, его грудь бурно вздымалась.

Тот тяжело дышал, пот градом катился по его лицу, а оскаленные зубы внушали страх. В его мучительном взгляде читалось: он готов либо наброситься на Хуайчжэня с кулаками, либо сорвать с него одежду и взять силой. Но Хуайчжэнь ничуть не испугался. Напротив, он дерзко встретил его взгляд — в конце концов, если его и возьмут силой, удовольствие всё равно достанется ему.

Яньчи, потеряв терпение и напроочь забыв о конспирации, резко вскочил с кровати. Набросив на плечи одежду, он сел на край ложа, тяжело хватая ртом воздух и закрыв лицо рукой.

Глядя на то, как юноша силой подавляет свое возбуждение, Хуайчжэнь понял, что продолжения не будет. Он оперся на локоть, небрежно разлегшись на постели, и вновь потянулся рукой к талии собеседника. Тот словно затылком почувствовал движение — не успел Хуайчжэнь коснуться его, как рука была снова перехвачена.

— И зачем ты меня хватаешь? — усмехнулся этот негодник.

Яньчи сглотнул, наконец обретая подобие спокойствия. Он резко обернулся и посмотрел на Хуайчжэня. От этого взгляда у того вмиг пропало желание смеяться.

— Раз уж я обещал Бай Сюэ, то сдержу слово и доставлю тебя в Вэньян, — глухо произнес Яньчи. В его голосе сквозило бесконечное разочарование. — Тебе вовсе не нужно заставлять себя и ублажать меня... И уж тем более не нужно так притворяться. Я знаю, что я тебе не нравлюсь. Ты, верно, считаешь меня последним дураком. Раньше ты был добр ко мне лишь забавы ради, а теперь — потому что я тебе нужен. Всё это время ты смирял гордыню и всячески передо мной заискивал, но один раз всё же проговорился.

Яньчи поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза: — Ты сказал, что мне не стоит больше ничего от тебя ждать. Это и были твои истинные слова, и ты был прав. Я ошибался — мы с

тобой не одной крови. Больше я не стану принимать это всерьез.

<http://bllate.org/book/15318/1412569>